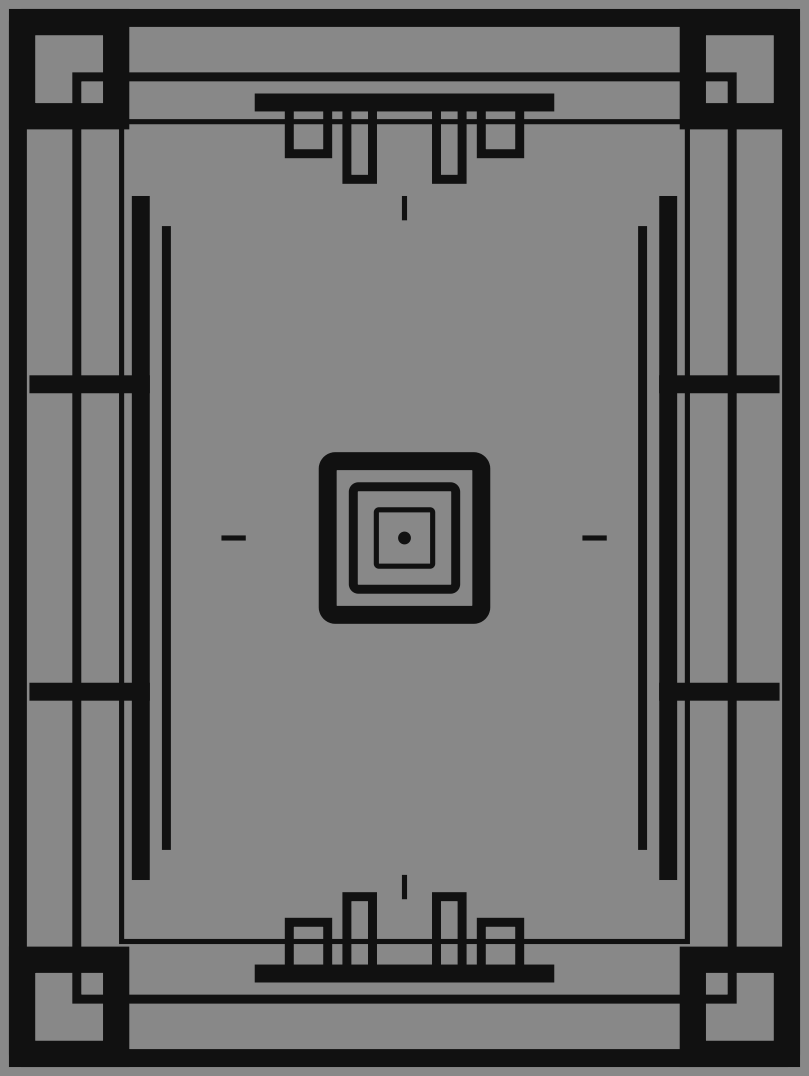

Скажи ветру прощай
Джеймс Грэм Баллард

Скажи ветру прощай. Джеймс Баллард

Скажи ветру прощай
Джеймс Баллард

Источник: Ballard J.G. Say goodbye to the wind. 1970

Сегодня ровно в полночь я опять услышал музыку, раздававшуюся в заброшенном ночном клубе, затерянном среди дюн Западной Лагуны. Эти хриплые завывания вот уже несколько ночей не давали мне спать в вилле, расположенной над самым пляжем. Поскольку это опять случилось, не оставалось ничего другого, как спуститься с балкона на теплый песок и направиться вдоль берега в сторону, откуда доносились звуки. В темноте я то и дело натыкался на клошаров, сидевших возле воды и слушавших долетавшую до них музыку, записанную на термической ленте. Луч моего фонарика то и дело освещал валявшиеся под ногами битые бутылки и использованные шприцы. Бродяги, одетые в мертвые пестрые одежды и походившие в тусклом свете на поблекших клоунов, словно ожидали чего-то.

Ночной клуб был покинут хозяевами еще прошлым летом, и сейчас белые стены здания едва

возвышались над песчаными волнами окружавших его дюн. Потемневшие буквы неоновой вывески слабо освещали площадку бара под открытым небом. Музыка звучала со сцены, на которой был установлен проигрыватель. Это был фокстрот, мелодия, забытая много лет назад. Среди утопавших в песке столиков скользила женщина с коралловыми волосами. Она негромко напевала, вторя мелодии проигрывателя и подчеркивая ритмы давно забытой музыкальной темы движениями рук, унизанных драгоценностями. Ее опущенные глаза, весь ее мечтательный облик — облик задумавшегося ребенка — заставил меня предположить, что это сомнамбула. Вероятно, она пришла сюда из какого-то частного отеля; их причудливые строения растянулись длинной цепочкой вдоль берега.

Рядом со мной, возле стойки покинутого бара, из темноты возник один из клошаров. Его мертвая одежда свисала с мускулистого тела, словно лохмотья кожуры с какого-то подгнившего фрукта. Маслянистый свет, падавший на волосатую грудь, то и дело вспыхивал угольками в глазах человека, явно оглушенного наркотиком, и моментами придавал его внешности облик спокойной ясности. Когда танцевавшая в

одиночку женщина в черной ночной рубашке приблизилась к нам, он шагнул вперед и схватил ее за руку. Они закружились вдвоем, и ее рука с драгоценными браслетами небрежно лежала на покрытом шрамами плече бродяги. Едва пластинка закончилась, как она с ничего не выражающим лицом отодвинулась от случайного партнера и гибким движением устремилась в темноту между столиками.

Кем была моя восхитительная соседка, что позволяло ей передвигаться в темноте с уверенностью сомнамбулы и танцевать каждый вечер с клошарами в пустынном ночном клубе?

Когда на следующее утро я проходил улицами Пурпурных Песков, я невольно присматривался к расположившимся вдоль берега виллам в надежде увидеть ночную незнакомку. Но здешний пляж посещают только поздно просыпающиеся лежебоки, в это время продолжавшие дремать под задернутыми пологами.

Сезон в Пурпурных Песках был в разгаре. Толпы туристов заполняли террасы кафе и лавчонки с сувенирами, где продавались поющие цветы и звуковые скульптуры. Через пару недель, проведенных в сплошной череде курортных фестивалей, посвященных чему угодно — от без-

звучной музыки до эротической кухни — почти все туристы старались незаметно избавиться от своих приобретений, выкидывал их из окошек автомобилей, устремлявшихся к безопасным улицам Алого Пляжа. Поэтому поющие цветы и скульптуры то и дело попадались мне на глаза среди небольших песчаных барханов, обрамлявших Пурпурные Пески. Можно было подумать, что они принадлежали к необычной флоре острова, окруженного странными звуками.

Сравнительно недавно, года два назад, я открыл лавочку под названием «Излишества из Газы», где предлагал предметы из модного биотекстиля. Когда около одиннадцати часов я приблизился к аркаде, находящейся вблизи от Прибрежной Аллеи, перед витриной уже собралась небольшая толпа. Прохожих словно зачаровали рисунки Оп Арт, раскрывавшиеся на глазах, в то время, как выставленные на витрине платья то сворачивались, то изгибались под лучами утреннего солнца. Мой коллега Георг Конт, щеголявший самым модным глазным чехольчиком над левым глазом, выкладывал на витрину пляжное платье цвета электрик. Исключительно капризная ткань платья цеплялась за него, словно вдова — невротичка за подвернувшегося под руку

одинокого мужчину. Георг даже был вынужден схватить платье за запястье, чтобы насильно напялить его на вешалку. После этого ему пришлось быстро отскочить в сторону, прежде чем платье снова смогло ухватиться за него. Рассерженная одежда принялась хлестать рукавами по воздуху, и ее ткань запульсировала, словно пылающее солнце.

Оказавшись в лавке, я понял, что предстоящий день окажется для нас одним из самых трудных. Обычно, когда я входил в помещением видел платья, мурлыкающие на своих вешалках, словно размякшие от жары пенсионерки в древесном зоопарке. Сегодня что-то явно вывело платья из себя. Ряды самой модной одежды буквально бурлил и, их расцветка выглядела мертвенно- бледной и совершенно негармоничной. Когда ткани соприкасались, они мгновенно отскакивали в разные стороны, словно столкнувшиеся резиновые мячики. Пляжная одежда была охвачена таким же возбуждением. Платки и купальники вспыхивали рисунками, на которые было неприятно смотреть; они выглядели так, словно были выхвачены с какой-то безумной выставки кинетического искусства.

Воздев к небу руки жестом, олицетворявшим

героическое отчаяние, Георг Конт направился в мою сторону. Его костюм из светлой чесучи сверкал, словно желтушная радуга. Даже моя лиловая рубашка утратила свое обычное хладнокровие. Она растягивалась все сильнее и сильнее, и ее швы начинали расползаться.

— Что происходит, Георг? Из-за чего весь этот базар?

— Мсье Самсон, я умываю руки. Ну и мерзкий же характер у этой одежды! С ней невозможно работать.

Он с отвращением посмотрел на свой покрывшийся пятнами рукав и попытался стряхнуть с него блеклые краски тонкой рукой с наманикюренными пальцами. Взбудораженный нервной обстановкой, его костюм беспорядочно пульсировал, то съеживаясь, то расправляясь. Его ткань вибрировала на груди у Георга, словно под нею билось больное сердце. Не в силах сдерживать раздражение, мой помощник схватил первое подвернувшееся под руку платье и гневно встряхнул его.

— Тихо! — рявкнул он, словно дирижер, пытающийся навести порядок среди непослушных оркестрантов. — Здесь что, приличный магазин, или какой-то дьявольский зоопарк?

На протяжении двух последних лет, когда Георг работал у меня, он всегда обращался с костюмами и платьями, как с нервными членами артистической труппы. С самыми дорогими и самыми чувствительными тканями с невероятно длинной родословной он держался с обаянием и изяществом, вполне годившимися и при обхождении с какой-нибудь капризной герцогиней. На противоположной стороне лавки размещались вешалки с пляжной одеждой с ярко пылающими рисунками в стиле поп-арт. Он всегда обращался с ними с отеческой непринужденностью, словно с несовершеннолетними красотками из числа тех, что то и дело случайно заглядывали в лавку.

Я частенько думал, не считал ли Георг эти платья и костюмы более живыми, чем наших покупателей? Я подозревал, что он уже давно видел в посетителях живые чековые книжки, существующие только для того, чтобы питать и развлекать эти утонченные создания, которые он скрепя сердце напяливал на них. Когда какая-нибудь беззаботная или слишком развязная посетительница неосторожно примеривала не свой размер, или, хуже того, вообще не имела при себе размеров по Дитриху, то она рисковала натолкнуться на весьма резкие комментарии с

его стороны. Он выставлял ее из лавки вежливо, но очень решительно, рекомендуя отправиться в один из магазинов парка аттракционов, торговавших инертной одеждой. Разумеется, это был весьма оскорбительный совет, поскольку инертную одежду уже давно никто не носил, за исключением отдельных эксцентричных типов или бродяг. Правда, оставалась еще такая широко распространенная инертная одежда, как саван, хотя наиболее щепетильные особы скорее предпочли бы умереть, чем показаться на людях в подобном одеянии. (Впрочем, зловещее зрелище странной могильной флоры, пробивающейся сквозь камни развороченных склепов, — кошмарные коллекции какого-нибудь Кванта или потустороннего Диора, — очень скоро положило конец любому использованию биотекстиля в похоронном деле. В конце концов, прочно утвердился следующий принцип: нагим ты приходишь в этот мир, нагим и уходишь.)

Во многом, именно преданность Георга своей работе являлась причиной успеха моей торговли и появлению круга избранных клиентов, регулярно посещавших лавку. Я с удовольствием позволял себе смотреть сквозь пальцы на его фантастическую веру в наличие индивидуаль-

ной личности у каждого предмета одежды. Его легкие пальцы могли приласкать рубец и заставить его сократиться за несколько секунд вместо обычных нескольких часов. Он мог разгладить складку или кармашек чуть ли не быстрее, чем клиент подписывал свой чек. Умело и ласково он ухитрялся успокоить или утешить как какое-нибудь экзотичное платье, взволнованное первой в его жизни примеркой, так и нервную одежду, шокированную липким прикосновением человеческой кожи. И любое одеяние послушно обвивал ось вокруг тела его владельца под ласковыми руками Георга, искусно придававшего нервной ткани неправильные контуры чужого бедра или бюста.

Впрочем, сегодня все его очарование, все его искусство изменили ему. Ряды платьев содрогались, одолеваемые беспокойством, и их окраска превращалась в нечто вроде клочьев тумана. Что ж, это было одним из следствий их исключительной чувствительности. Изготовленные на основе генов глицинии и нежной мимозы, сотканные нити сохраняют нечто от удивительной реакции виноградной лозы на атмосферные колебания или на прикосновения. Резкое движение кого- либо, находящегося поблизости,

чаще всего лица, надевающего одежду, вызывает немедленную реакцию легко возбудимой ткани. Платье может изменить окраску или текстуру ткани в несколько секунд, стать более открытым при приближении пылкого воздыхателя или же принять более чопорный вид при встрече с директором банка.

Эта чувствительность к настроению владельца объясняет бешеную популярность биотекстиля. Одежду больше не шьют из мертвых нитей с застывшими красками и текстурой, которые только крайне приблизительно могут приспосабливаться к изменчивому человеческому настроению. Живые ткани теперь чутко подстраиваются не только под размеры, но и под личность того, кто их носит. Другое важное преимущество биотекстиля заключается в том, что ткань, которую питают выделения кожи хозяина, непрерывно растет; при этом она источает из своих пор нежные, постоянно меняющиеся ароматы. Ее волокна постоянно обновляются, исправляя мелкие механические повреждения и не требуя стирки.

Хорошо представляя все это, я рассеянно бродил по лавке, размышляя о том, что не бывает преимуществ без недостатков. По какой-то непонятной случайности, у нас подобралась исключительно

капризная коллекция моделей. Уже отмечались случаи внезапной паники, вызванной близким выхлопом автомобильного двигателя. Однажды целая партия самой модной одежды за несколько секунд уничтожила сама себя в пароксизме бешенства. На месте прекрасных модных моделей мы нашли нечто похожее на безобразную груду хорошо проваренных шляп.

Я уже собирался посоветовать Георгу закрыться на утро, когда заметил, как в лавку вошла наша первая клиентка. Ее фигура была частично прикрыта от моих взглядов рядом пляжной одежды, из-за которой виднелось только миловидное лицо под шляпкой с белыми полями. Возле входа на самом солнцепеке ее ожидал молодой шофер, с пресыщенным видом наблюдавший за снующими по улице туристами.

Сначала мне не понравилось, что богатая клиентка появилась как раз в момент, когда наш товар проявлял излишнюю нервозность. Я с содроганием вспомнил, как раздраженное чем-то бикини упало к ногам ее владелицы в тот момент, когда она находилась на вершине вышки для прыжков в воду над переполненным купающимися бассейном отеля «Нептун». Я повернулся к Георгу, собираясь попросить его применить весь

такт, чтобы убедить посетительницу как можно быстрее покинуть лавку.

Но Георг на этот раз, казалось, утратил всю свою уверенность. Наклонившись вперед и прищурив глаза, он уставился на вошедшую в лавку даму, словно страдающий от близорукости жал кий развратник, подглядывающий за подростком — нимфеткой.

— Георг! Опомнитесь! Вы что, знаете ее? — прошипел я.

Он посмотрел на меня взглядом, лишенным малейшего выражения.

— Что?

Его костюм быстро приобретал мягкость и блеск зеркальной поверхности — его обычная реакция на близость красивой женщины.

Он пробормотал:

— Мисс Чэннинг.

— Что-что?

— Рэйн Чэннинг… — повторил он. — Это было до вас, мсье Самсон, это было до кого бы то ни было…

Я пропустил Георга вперед; он передвигался с вытянутыми вперед руками, в позе Персиваля, приближающегося к святому Граалю. Конечно, я хорошо помнил ее, известную манекенщицу

международного класса, квинтэссенцию вечной женственности. Ее лицо, лицо меланхоличного гамена, было результатом дюжины хирургических операций. Рэйн Чэннинг была зловещим реликтом 70–х годов с их культом вечной юности. В те времена стареющие актрисы прибегали к пластической хирургии, чтобы приподнять обвисшую щеку или удалить разоблачающую морщину. Но случай Рэйн Чэннинг был иным. Юная манекенщица, едва достигшая двадцатилетнего возраста, она предоставила свое лицо скальпелю и искусству хирурга, чтобы возродить прелестный облик невинного подростка. Потом она не менее дюжины раз возвращалась на сцену этого операционного театра, чтобы покинуть ее с лицом, скрытым бинтами. Снятые через какое-то время, они позволяли ей вновь и вновь демонстрировать под лучами прожекторов лицо подростка, застрявшего в одном из годов своей юности. Таким несколько жутковатым образом ей пришлось, как можно предположить, принять самое непосредственное участие в уничтожении этого экстравагантного культа. Вот уже ряд лет, как она ушла со сцены. Я вспомнил, что несколько месяцев тому назад встретил где-то сообщение о смерти ее импресарио и доверенного лица

Гэвина Кайзера, юного блестящего модельера, основателя моды на биотекстиль.

Рэйн Чэннинг, достигшая тридцатилетия, все еще сохраняла свой детский облик, странное наслоение множества подростковых лиц, на каждом из которых выделялись глаза с меланхолическим выражением. Ее взгляд был отмечен той же предрасположенностью к самоубийству, что и взгляд Мэрилин Монро. Она обратилась к Георгу, произнеся несколько слов глухим голосом, и я понял, что видел прошлой ночью именно ее танцующей с клошарами в заброшенном ночном клубе Западной Лагуны.

В то время, когда я приобрел лавку, здесь еще можно было найти старые журналы мод со страницами, заполненными ее фотографиями… Рэйн с глазами раненой лани, с глазами, поблескивавшими из-под повязки, закрывавшей ее только что воссозданные юные черты, Рэйн в платье последней модели, демонстрирующая биоткани в каком-то сверхшикарном клубе… улыбающаяся Кайзеру с физиономией красавца — гангстера. Со многих точек зрения, связь между Рэйн Чэннинг и этим юным гением моды наиболее точно характеризовала эпоху разрушения старых устоев. Теперь же лицо Рэйн было всего лишь

забытым реликтом; вскоре, после достижения ею тридцатилетия, оно должно было окончательно исчезнуть.

Тем не менее, во время посещения моей лавочки эта перспектива наверняка представлялась ей достаточно отдален ной. Георг был счастлив видеть ее. Наконец-то ему удалось повстречать в обстановке равенства одну из самых ярких звезд его юности. Не заботясь о наших взволнованных платьях, он раскрывал одну за другой витрины, демонстрировал содержимое шкафов. Неожиданным и странным образом обстановка в лавке успокоилась. Платья теперь едва шевелились на плечиках, подобно послушным домашним птицам.

Я предоставил Георгу время, чтобы насладиться воспоминаниями, потом подошел к ним.

— Вы подействовали на наши платья успокаивающе. Похоже, что они любят вас.

Она обернула вокруг шеи мех песца и потерлась об него щекой. Мех нежно обвил ее плечи, словно поместив их в уютное и ласковое гнездо.

Надеюсь, что это так, — ответила она. Знаете, всего несколько месяцев назад я ненавидела эти одеяния. Я мечтала, чтобы все эти ткани подохли, чтобы все, кто их носил, оказались на улице раз-

детыми. — Она громко рассмеялась. — А теперь я хотела бы полностью обновить свой гардероб.

— Мы очарованы тем, что вы начали с нашей лавки, мисс Чэннинг. Вы надолго приехали в Пурпурные Пески?

— На некоторое время. Я когда-то уже побывала здесь, мистер Самсон. Но здесь ничто никогда не меняется… Вы не замечали этого? Это место, куда приятно возвращаться.

Мы прошлись с ней вдоль рядов с одеждой. Время от времени она легким прикосновением ласкала попавшую ей на глаза ткань своей белоснежной рукой подростка. Она распахнула манто, и звучащая драгоценность, хрустальная роза, расположившаяся между ее грудей, мелодично зазвенела. Бархатные кольца обвивали ее запястья. Казалось, что она находится в облаке живой пены, подобно современной юной Венере.

Что же столь притягательное для меня было в облике Рэйн Чэннинг?

Наблюдая за тем, как Георг помогал ей выбрать блестящее вечернее платье в пастельных тонах, не обращая внимания на бормотанье соседок, я подумал, что Рэйн Чэннинг напоминает мне ребенка — Еву в Эдеме моды. Жизнь рождалась под ее ласковыми прикосновениями. И я опять

вспомнил, как она танцевала с бродягами в покинутом ночном клубе Западной лагуны.

Пока юнец — шофер относил ее покупки в автомобиль, я обратился к ней:

— Я видел вас прошлой ночью. В ночном клубе возле пляжа.

Впервые она взглянула на меня пробудившимся взрослым взглядом, странно блеснувшим на лице подростка.

— Я живу поблизости, в одном из домов на берегу лагуны. Там играла музыка и несколько человек танцевали.

Когда водитель распахнул перед ней дверцу автомобиля, я увидел, что сиденья завалены безделушками и звучащими драгоценностями. Они уехали, эти взрослые, играющие в детей.

Через пару дней я снова услышал музыку, доносившуюся из ночного клуба. Я только что уютно устроился на веранде своей виллы, когда приглушенно зазвучала робкая ночная мелодия, металлически звучавшая в сухом воздухе. Я спустился на темный пляж. Клошаров сегодня не было видно, но Рэйн Чэннинг блуждала между столов, вырисовывая на песке своим белым платьем пустые символические фигуры.

Поблизости в ожидании застыла песчаная яхта.

Рядом с ней дежурил юноша с обнаженным торсом; его руки упирались в бедра. Мощные бедра в белых шортах отчетливо вырисовывались в темноте. Термические вихри поднимали рябь на поверхности песка вокруг его ног. Своим широким лицом с перебитым как у Микеланджело носом он напоминал какого-то мрачного духа ночных пляжей. Он подождал, пока я не приблизился, затем двинулся вперед, пройдя перед самым моим носом, настолько вплотную, что даже задел меня плечом. Его поблескивавшая от пота спина отражала далекие огни Пурпурных Песков все время, пока он пересекал дюны, направляясь к ночному клубу.

После этой странной встречи я подумал, что мы больше не увидим Рэйн Чэннинг, но когда я на следующее утро подошел к лавке, Георг уже нервно метался возле дверей.

— Мсье Самсон, я пытался дозвониться до вас… Нам позвонила секретарша мисс Чэннинг. Все, что она приобрела у нас, охвачено приступом бешенства. Все идет не так, как нужно. Три платья из числа только что купленных начали хаотически разрастаться.

Мне удалось успокоить его. Потом я позвонил секретарше Рэйн Чэннинг, сухой желчной

француженке. Она кратко сообщила мне, что два вечерних платья, одно платье для коктейлей и три костюма — все, что было приобретено в «Излишествах из Газы» — «пошли в семя». И она не представляла, почему.

Имейте в виду, мистер Самсон, я настаиваю, чтобы вы немедленно прибыли к мисс Чэннинг, чтобы заменить все ее покупки или вернуть их стоимость, составляющую, как вам известно, шесть тысяч долларов. В противном случае…

— Мадемуазель Фурнье, — ответил я со всей допустимой жесткостью, собрав все остатки своей гордости, — не может быть никакого «в противном случае».

Перед тем, как я ушел из лавки, Георг принес мне с несколько преувеличенной осторожностью костюм спортивного покроя цвета цикламен. Этот костюм из биотекстиль ной чесучи была заказан одним нашим клиентом — миллионером.

— Чтобы поддержать вашу репутацию, да и мою тоже, мсье Самсон… в подобных случаях нужно высоко нести свое знамя.

Костюм прильнул к моему телу, словно кожа, облекающая гибкую кобру. Сам по себе он легко повторял форму моего торса, моих конечностей… Его краски сверкали и переливались, в то время

как он осторожно изучал мое тело. Когда я вышел из лавки, чтобы сесть в автомобиль, прохожие начали оборачиваться, чтобы рассмотреть эту тонкую сверкающую змеиную шкуру.

К тому моменту, как я вошел в дом Рэйн Чэннинг, он полностью успокоился, хотя прошло не более пяти минут. Теперь он свисал с моих плеч, словно раненый цветок. Обстановка на вилле выглядела так, словно здесь только что произошла настоящая катастрофа. Юный шофер, севший за руль моей машины, чтобы отогнать ее на стоянку, рванул с места с диким скрежетом покрышек, скользнув по моему лицу острым, как лезвие бритвы, взглядом.

Мадемуазель Фурнье встретила меня величественным кивком головы. Это была старая дева лет сорока с угловатым лицом. Она была одета в черное платье колдуньи, дергавшееся на ее костлявых плечах, словно какая-то суетливая птица.

— Весь гардероб погиб, мистер Самсон! И не только платья от вас, но и уникальные, бесценные модели, последний крик парижской моды. Мы тут буквально потеряли голову!

Я сделал все возможное, чтобы успокоить ее. Одна из опасностей, когда имеешь дело с биотканями, заключается в том, что они очень легко

поддаются панике. Семейная сцена, гневный возглас, даже резкий стук захлопнувшейся двери могут спровоцировать пароксизм самоуничтожения. Даже мой костюм заметно увял под мрачным взглядом мадемуазель Фурнье. Поднимаясь по ступенькам, я бегло приласкал взволнованный бархат занавесей. Они тут же вернулись на свое место, успокоенные.

— Может быть, их используют слишком редко? — предположил я. — Этим тканям нужен постоянный контакт с человеком.

Мадемуазель Фурнье бросила на меня странно насмешливый взгляд. В этот момент мы вошли в комнату на верхнем этаже. Сквозь затянутые шторами окна можно было разглядеть просторную террасу бледно — зеленого цвета, за которой, внизу, виднелась ярко окрашенная гладь песчаного озера.

Мадемуазель Фурнье указала мне на распахнутые дверцы гардероба, расположенного вдоль стен просторного помещения.

— Контакт с человеком? Вот именно, мистер Самсон.

Повсюду вокруг меня царил хаос. Платья лежали на камине, почти все они были инертными, поблекшими, лишенными своей обычной живой

окраски. Некоторые из них покрылись безобразным ворсом и казались совершенно мертвыми. Своим общим видом со скрученные в трубочку краями они напоминали высохшие шкурки бананов. Два вечерних платья, брошенные на секретер, совершенно одичали и переплелись нитями. В платяных шкафах ряды плечиков с одеждой нервно дергались взад и вперед, и их краски пульсировали, словно обезумевшие солнца.

После нескольких минут наблюдения за одеждой я почувствовал, что она с трудом, но все же начинает успокаиваться после эмоционального кризиса сегодняшнего утра.

Кто-то сильно напугал их, — обратился я к мадемуазель Фурнье. — Неужели мисс Чэннинг не понимает, что с биоодеждой нельзя вести себя, подобно капризной идиотке?

Француженка резко схватила меня за руку.

— Мистер Самсон! У каждого из нас есть свои проблемы… Но постарайтесь сделать все, что в ваших силах. Ваш гонорар будет выплачен немедленно.

После того, ка к она ушла, я занялся платьями, висевшими неровными рядами. Мне пришлось снять с плечиков наиболее пострадавшие. Что

касается остальных, то я сначала постарался осторожно отделить их друг от друга, потом принялся ласково поглаживать ткань, пока платья не расслабились и не успокоились.

Я уже перешел к шкафам в соседней комнате, когда мне удалось совершить небольшое, но любопытное открытие. Множество платьев было нагромождено в стенном шкафу за двумя раздвигающимися створками. Это были выцветшие модели прошлых лет, оставленные здесь умирать на плечиках. Некоторые из них еще подавали признаки жизни. Они висели инертно, слабо реагируя на свет.

Больше всего меня поразило, что все они приняли очень странные формы. Кроме того, их краски кровоточили, словно ткань была изранена. Это отражение нанесенной в недавнем прошлом травмы свидетельствовало о бурной сцене, произошедшей между Рэйн Чэннинг и кем-то еще, — неважно, кем именно, — кто прожил рядом с ней не хотя бы несколько лет. Я вспомнил одежду на одной женщине, погибшей в автомобильной аварии — ткань выбивалась из-под обломков, словно некий адский цветок. Довелось мне повидать и обезумевший гардероб, который вернула мне семья богатой наследницы,

покончившей с собой. Я помнил и апокрифическую историю с убийцей, пытавшимся скрыться в пальто, снятом с жертвы; пальто, глубоко потрясенное смертью своего владельца, задушило преступника.

Бросив последний взгляд на печальные останки, я покинул их в ожидании неизбежного конца и вернулся в первую комнату. Когда я развешивал на плечики последние все еще трепетавшие платья, за моей спиной открылась дверь, ведущая на террасу.

Из залитого солнцем пространства появилась Рэйн Чэннинг. Вместо облегающих фигуру мехов на этот раз на ней было бикини из биоткани. Желтые чаши бюстгальтера плотно охватывали ее хорошо развитые груди, подобно двум сонным ладоням. Несмотря на явные следы бурного конфликта, состоявшегося сегодня утром, она выглядела спокойной и раскованной. Когда она осматривала уже успокоившихся обитателей своих платяных шкафов, ее бледное лицо подростка более чем когда-либо походило на хирургическую маску или на покрытое толстым слоем пудры лицо маньчжурской императрицы — ребенка.

— Мистер Самсон! Да они же совершенно успокоились! Вы просто …

— Святой Франсуа, зачаровывающий пташек? — высказал я язвительное предположение, все еще раздраженный крайне неделикатным требованием прибыть в эту виллу Западной Лагуны. Чтобы сгладить свою резкость, я указал жестом в направлении закрытых платяных шкафов в соседней комнате.

— Извините меня, но там у вас хранятся странные воспоминания…

Она завладела моим пиджаком и накинула его на свои обнаженные плечи, изображая приступ стыдливости. Должен признать, что этот жест, несмотря ни на что, выглядел очаровательно. Ткань тут же прильнула к ее телу, словно громадный розовый цветок, ласкающий ее плечи и грудь.

— Прошлое для меня — это нечто вроде территории, на которой когда-то разразилась катастрофа. И я до сих пор переживаю ужас случившегося, мистер Самсон. Я знаю, что вас вызвали сюда под надуманным предлогом. Сегодня утром все шло не так, как нужно, а вы все-таки мой единственный сосед.

Она подошла к окну и взглянула на цветное озеро.

— Я вернулась в Пурпурные Пески, руковод-

ствуясь мотивами, которые покажутся вам безумными.

Сначала я слушал ее с недоверием, но затем что-то в ее поведении заставило меня поверить в ее искренность и забыть об осторожности. Мне было ясно, что полночный любовник, мужчина с песчаной яхты, оставил героиню в состоянии, соответствующем эмоциональному холокосту.

Мы перешли на террасу, где устроились на складных стульях возле бара. После этого в течение нескольких часов, проведенных мной в этом доме без зеркал над цветным озером, она рассказывала мне о годах, прожитых с Кайзером. Она рассказала, как он нашел ее, когда она пела в ночном клубе под открытым небом в Западной Лагуне. Он сразу же приметил пятнадцатилетнюю красотку, олицетворявшую культ вечной юности, и быстро сделал из нее свою лучшую модель для демонстрации одежды из создаваемых им биотканей. Через четыре года — ее первая операция на лице. В последующие годы таких операций было немало. После смерти Кайзера ей не оставалось ничего иного, как вернуться в Западную Лагуну. В эту виллу неподалеку от давно заброшенного ночного клуба.

— Я лишилась приличной части своей шкуры

во всех этих клиниках и госпиталях. Мне хотелось надеяться, что я восстановлю ее здесь.

— Каким образом умер Кайзер?

Мне сказали, что от сердечного приступа. Его охватили жуткие конвульсии, и выглядел он так, словно его искусала стая бешеных псов. Он все время пытался разодрать себе лицо ногтями… — Она спрятала свое мучнисто — белое лицо в ладонях.

— Не было ли каких-нибудь подозрений… — нерешительно начал я.

Она судорожно вцепилась в мою руку.

— Гэвин сошел сума. Он мечтал, чтобы в наших отношениях ничего не менялось. Эти операции… Он добивался, чтобы я сохранила навсегда облик пятнадцатилетней девчонки совсем не из-за прихотей моды — ему самому было необходимо, чтобы я всегда оставалась такой же, как в те дни, когда влюбилась в него.

Впрочем, впоследствии меня мал о интересовал и мотивы, за ста вившие Рэйн Чэйнинг искать убежище в Западной Лагуне. Каждый день после полудня я приходил в ее виллу. Мы лежали под маркизой на песке возле бара и любовались меняющимися красками цветного озера… Там, в этой вилле без зеркал, она рассказывала мне свои

странные сны, постоянно связанные с ее опасениями помолодеть. Вечерами, в то время, когда в заброшенном ночном клубе начинала звучать музыка, мы пересекали полосу дюн, чтобы потанцевать среди столиков, полузасыпанных песком.

Кто принес сюда проигрыватель? И эту единственную пластинку без этикетки? Однажды, случайно обернувшись, я увидел парня с могучими плечами и перебитым носом, державшегося поодаль, возле застывшей в темноте песчаной яхты. Он пристально следил за тем, как мы с Рэйн медленно проходили мимо, нежно обнявшись, и ее голова лежала на моем плече. Она прислушивалась к мелодии звучащего украшения, и ее взор безразлично скользнул по лицу наблюдавшего за нами красавца.

Я нередко встречал его в середине дня, когда он проносился на своей яхте по озеру, держась в нескольких десятках метров от берега. Я полагал, что это один из многочисленных любовников Рэйн, теперь с любопытством и даже, как мне показалось, с симпатией наблюдавший за своим более удачливым последователем. Вероятно, какое-то странное понимание юмора заставляло его крутить для нас одну и ту же пластинку.

Тем не менее, когда однажды вечером я загово-

рил с Рэйн о нем, то она заявила, что не только не знакома с этим человеком, но даже не помнит, встречала ли его когда-нибудь. Опустив подбородок на скрещенные руки, она смотрела на яхту, причалившую к пляжу в трех сотнях метров от нас. Юноша бродил вдоль линии наибольшего прилива, пытаясь отыскать что-то среди разбитых шприцев и прочего мусора.

— Я могу попросить его убраться отсюда, — обратился я к Рэйн.

Она отрицательно покачала головой, но я продолжал:

— Но он приходит сюда не случайно. Что же все-таки произошло между вами?

Рэйн сухо спросила:

— Почему тебя это интересует?

Я сдался. Ее глаза непрерывно следовали за ним, но я все равно растянулся на песке возле нее, и солнечные зайчики трепетали на моих руках.

Через пару недель я снова увидел этого юношу. Вскоре после полуночи я проснулся на террасе виллы Рэйн, услышав сквозь сон знакомую мелодию, доносившуюся из пустынного ночного клуба. Под террасой в призрачном свете мелькнул силуэт Рэйн, направлявшейся к дюнам. На пляже выброшенные термические ленты неболь-

шими волнами накатывались на белый песок.

На вилле никого не осталось, кроме меня. Мадемуазель Фурнье уехала на несколько дней в Красный Пляж, а молодой шофер спал в своей комнатенке над гаражом. Я распахнул калитку в конце темной аллеи, обрамленной рододендронами, и направился к ночному клубу. Музыка стонала вокруг меня, падая на мертвый песок.

В ночном клубе никого не оказалось. Пластинка крутилась для самой себя на пустынной сцене. Я бродил между столиками, пытаясь обнаружить следы Рэйн. На несколько минут я задержался возле бара, облокотившись на стойку, когда из темноты ко мне устремилась тонкая фигурка шофера. Он кинулся на меня, целясь кулаком в лицо.

Я уклонился от удара и схватил его за правую руку, которую резко прижал к стойке бара. В темноте передо мной дергалось его узкое лицо, искаженное злобным оскалом. Затем он резким движением высвободил руку и отвернулся к едва видневшемуся за дюнами озеру. Музыка стонала по — прежнему — кто-то в очередной раз поставил все ту же пластинку.

Я нашел их на пляже. Рука Рэйн лежала на бедре юноши, в то время как он, изогнувшись

от напряжения, пытался оттолкнуть яхту от берега. Я не знал, что мне делать. Меня поразило, насколько непринужденно он обращался с Рэйн. Поэтому я остался среди дюн, возвышавшихся над пляжем.

Послышался шорох чьих-то шагов по песку. Я смотрел, не отрываясь, на Рэйн, белая маска лица которой словно раздваивалась в неверном свете луны, когда кто-то, подошедший сзади, ударил меня в висок.

Я пришел в себя в постели Рэйн, на покинутой всеми вилле. Лунный свет, словно погребальный саван, лежал на террасе. Вокруг меня на стенах копошились бездушные тени, похожие на бесформенных обитателей какой-то кошмарной вольеры. Мне представлялось, что я слышу в абсолютном безмолвии, царившем на вилле, как они рвут друг друга на куски. Иногда же мне казалось, что это осужденные на повешение, корчащиеся на своих виселицах.

Я с трудом поднялся на ноги и увидел свое отражение в створке распахнутого окна. На мне был костюм, вышитый золотом и блестевший в лунном свете, словно кольчуга какого-то небесного призрака, посетившего убежище адских монстров.

Прижав руку к раскалывающемуся от боли черепу, я вышел на террасу. Мой позолоченный костюм плотно прильнул к телу. Его отвороты сильно давили на грудь.

На обрамленной рододендронами аллее зелень наполовину скрывала автомобиль Рэйн. За рулем сидел молодой шофер. Он остановил на мне свой скучающий взгляд.

— Рэйн!

На заднем сиденье шевельнулся чей-то призрачный силуэт. Это был мужчина с обнаженным торсом, развалившийся на подушках. Раздраженный тем, что мне, наряженному в нелепый костюм, приходится наблюдать какой-то дурацкий спектакль, я попытался избавиться от своего клоунского наряда. Но прежде, чем я успел еще раз окликнуть Рэйн, что-то схватило меня за лодыжки и бедра. Я попытался шагнуть вперед, но мое тело даже не сдвинулось с места, крепко стиснутое позолоченным капканом. Я посмотрел на рукава. Ткань костюма сияла сильным фосфоресцирующим светом, продолжая судорожно сжимать меня, потому что ее нити образовывали тысячи мелких тугих узелков.

Мне все труднее и труднее доставался каждый очередной вдох. Я хотел пошевелиться, но не

смог даже поднять руки, чтобы разжать отвороты пиджака, тисками сжимавшие мою шею. В тот момент, когда я рухнул на парапет, аллею осветили фары. Автомобиль медленно двинулся вперед по скрипевшему под шинами гравию.

Я лежал в водосточной канавке с завернутыми за спину руками. Золотистый костюм поблескивал в темноте, и желтые блики играли на стеклах веранды. Где-то внизу автомобиль выехал за ворота и устремился в темноту, рыча мотором.

Я пришел в себя через несколько минут. Чьи-то руки энергично массировали мне грудную клетку. Потом меня приподняли и усадили, прислонив спиной к парапету террасы. Я сидел совершенно обессиленный, ощущая непрерывные импульсы боли, когда при каждом вдохе и выдохе вздымалась и опускалась моя грудь, обретшая прежнюю свободу движений. Юноша с обнаженным торсом стоял на коленях передо мной. В его руке сверкало серебряное лезвие, которым он освобождал мои ноги от последних обрывков золотистой ткани. Поблекшие куски материи слабо светились, словно почти потухшие угли среди темного пепла.

Юноша отклонил назад мою голову и пристально посмотрел мне в глаза, после чего медленно убрал нож.

— В этом наряде вы походили на умирающего ангела, Самсон.

— О, небо… — Я безвольно откинулся на балюстраду. Мне казалось, что мое тело было избито самым жестоким образом. — Эта мерзость едва не раздавила меня… Кто вы такой?

— Язон… Язон Кайзер. Мы уже встречались. Кстати, мой брат умер именно в этом костюме, Самсон.

Твердый взгляд юноши неотрывно следил за мной. Теперь я улавливал в его лице черты сходства с братом, несмотря на сломанный нос.

— Кайзер? Вы хотите сказать, что ваш брат… — Я протянул руку к обрывкам позолоченной ткани. — Что он был задушен?

— Он погиб в этом роскошном одеянии. Бог знает, что ему довелось увидеть перед смертью, но это убило его. Можете предполагать все, что угодно, Самсон, но, пожалуй, это было справедливо: портной, убитый своим изделием. — Он с отвращением пнул ногой светящиеся лохмотья и взглянул на покинутый дом. — Я знал, что она вернется сюда. Но я надеялся, что ее избранником будет кто-нибудь из местных клошаров… а не вы. И я знал, что рано или поздно она решит, что вы ей надоели.

Он указал на окна ее комнаты.

Костюм хранился там. Он рассчитывал вновь пережить подобный кризис. Знаете, я был с ней в автомобиле, когда она решила применить его. Самсон, именно таким образом она оправляет своих любовников в рай.

— Подождите… Но, значит, она не узнала вас?

Юноша отрицательно покачал головой.

— Она никогда раньше не встречала меня. Мы не очень ладили с братом. Тем не менее, можно сказать, что на лице любого человека всегда есть определенные знаки, черты сходства, которые могли быть полезными для меня. Мне была нужна только пластинка, эта ста рая мелодия… И я нашел ее в баре.

Не знаю, почему, но мои страдающие ребра и моя исцарапанная кожа не могли отвлечь меня от мыслей о Рэйн, об этом странном детском лице, которое она носила, словно маску. Она вернулась в Западную Лагуну, чтобы начать все с начала, но нашла лишь повторение того, что случилось когда- то. Ее мрачные воспоминания о смерти Кайзера увлекли ее в ловушку.

Я сообразил, что полностью раздет. Язон направился в комнату.

— Куда вы? — окликнул я его. — Там все умер-

ло.

— Я знаю. Не так-то легко было напялить на вас этот костюм, Самсон. Одежда догадывалась о том, что здесь готовилось. — Он кивнул в сторону дороги. Свет автомобильных фар проносился в этот момент вдоль берега озера, в пяти милях к югу от нас.

— Скажите «прощай» мисс Чэннинг, Самсон.

Я рассеянно следил за автомобилем, пока он не пропал из виду среди холмов. В той стороне, где находился заброшенный ночной клуб, порывы темного ветра рассеивали по песку дюн свои пустые символы.

Скажи ветру: прощай!